

ЖАН РЭ

*Тлотная
формула
кошмара*

Коллекция «ГАРФАНГ»

Жан Рэ

Великий Ноктюрн

OCR Calliope, Scan MitrichID

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157779

Точная формула кошмара: Языки русской культуры; Москва; 2000

ISBN 5-7859-0181-1

Оригинал: JeanRay, "Le Grand Nocturne"

Перевод:

Евгений Всеволодович Головин

Аннотация

Бельгиец Жан Рэ (1887 – 1964) – авантюрист, контрабандист, в необозримом прошлом, вероятно, конкистадор. Любитель сомнительных развлечений, связанных с ловлей жемчуга и захватом быстроходных парусников. Кроме всего прочего, классик «чёрной фантастики», изумительный изобретатель сюжетов, картограф inferнальных пейзажей.

Содержание

I	4
II	14
III	23
IV	30
V	41

Жан Рэ

Великий Ноктюрн

I

Карильон примешивал бронзовую свою капель к шуму западного ливня, который с утра безжалостно хлестал город и окрестности.

Теодюль Нотт следил, как, постепенно удлиняя вечернюю улицу, рождалась звезда за звездой – невидимый фонарщик явно не торопился, да и к чему? Теодюль раскрутил зубчатое двойное колесико лампы Карселя, что стояла в углу конторки, заваленной рулонами плотной тусклой материи и блеклых ситцев.

Пухлый огненный бутон осветил пыльную лавку с коричневыми, изъеденными древоточцем полками.

Для галантерейщика вечернее зажигание огней означало традиционную остановку времени.

Он мягко открыл дверь, дабы не дать особенно резвиться колокольчику, и, поместившись на пороге, с удовольствием вдохнул влажный уличный запах.

Вывеска, намалеванная на огромной бобине листового железа, предохраняла его от водяной струи, бьющей из пробитого водостока.

Повернув спину рабочему дню, закурил красную глиняную трубку – он опасался курить в лавке – и принялся разглядывать возвращающихся домой прохожих.

– Месье Десме уже на углу улицы Канала. Так. Сторож на каланче может проверять городские часы по месье Десме – это человек респектабельный и обязательный. Мадмуазель Бюлю запаздывает. Обычно они пересекаются у кафе Тромпет... туда месье Десме заходит только по воскресеньям после одиннадцатичасовой мессы. Ах! Вот и она... Они будут здороваться перед домом профессора Дельтомба. Когда нет дождя, они на минутку задерживаются и разговаривают о погоде и болезнях. И собака профессора лает... Так уж заведено. А сейчас...

Галантерейщик вздохнул. Его беспокоило малейшее нарушение порядка вещей. Октябрьский вечер опустился на крыши Гама. Тлеющий огонек трубки отметил розовым светом подбородок месье Нотта.

Желтые колеса фиакра свернули на мост.

– Месье Пинкер запаздывает... Все. Трубка сейчас погаснет.

Трубка с маленькой чашечкой вмещала только две щепотки добротного фламандского табаку.

Колечко дыма выползло и, медленно изгибаясь, растаяло в темноте.

– Вот так удача! – возликовал курильщик. – А ведь случайно получилось. Надо будет рассказать месье Ипполиту.

Так кончался рабочий день Теодюля Нотта и начинались часы отдыха, посвященные дружбе и наслаждению.

Тук, тук, тук.

Железный наконечник трости стучал все ближе, возвещая прибытие Ипполита Баеса. Всегдашний просторный редингот и безукоризненная шляпа. Вот уже тридцать лет он каждый вечер приходил сыграть партию в шашки в галантерею «Железная катушка» и его точность неизменно восхищала Теодюля. Они перекинулись парой слов, задрали головы, дабы посмотреть скорость движения западных туч, предсказали погоду на завтра и вошли в лавку.

– Надо закрыть ставни.

– Стучи кто хочет, мы в эфире! – продекламировал Баес.

– Я отнесу лампу.

– Светильник златоцветный! – уточнил месье Ипполит.

– Сегодня вторник, значит, мы ужинаем вместе, а уж потом я вас побью в шашки, – обещал Теодюль.

– Нет, друг мой, я серьезно рассчитываю на победу...

Эти вечные фразы, произносимые столько лет подряд одинаковым тоном, сопровождаемые одинаковыми жестами, вызывающие идентичную реакцию комизма и серьезности, давали двум старикам уверенность в их полной несокрушимости.

Люди, которые покоряют время и не разрешают завтрашнему дню отличаться от вчерашнего, – такие люди сильнее смерти. И хотя Ипполит Баес и Теодюль Нотт не высказыва-

ли подобных мыслей, они чувствовали это как глубочайшую и величайшую истину.

В настоящий момент лампа Карселя освещала столовую – очень маленькую и очень высокую.

Однажды месье Нотт сравнил ее с трубой и ужаснулся точности сравнения. Но как таковая, с потолком, исчезающим в таинственном сумраке, где маячил лунный блик лампы Карселя... она весьма и весьма нравилась обоим друзьям.

– Точно девяносто девять лет тому назад моя матушка родилась в этой комнате, – вспоминал Теодюль. – В те времена комнаты второго этажа снимал капитан Судан. Да, сто лет минус один год, а мне стукнуло пятьдесят девять. Матушка вышла замуж в рассудительном возрасте. Сына даровал ей господь на сороковом году.

Месье Ипполит принялся загибать короткие толстые пальцы.

– Мне сейчас шестьдесят два. Я знал вашу мать, святую женщину, и вашего отца, который приделал вывеску к «Железной катушке». У него была прекрасная борода и он любил хорошее вино. Еще я помню барышень Беер – Мари и Софи, которые посещали дом.

– Мари – моя крестная мать... Как я любил ее! – вздохнул Теодюль.

– ... и, – продолжал Баес, – я помню капитана Судана. Поистине страшный человек!

Теодюль Нотт вздохнул еще горше.

– Известно, человек особенный. Перед смертью он отказал мебель моим родителям, а уж они оставили в комнатах все как есть.

– Но ведь и вы, дорогой Теодюль, ничего не изменили.

– Упаси Боже! Вы отлично знаете... разве бы я осмелился!

– Вы поступили разумно, друг мой. Плотный, маленький Ипполит важно покачал головой и приподнял крышку с блюда.

– Ну–с. Холодная телятина в собственном соку. А в этой фаянсовой миске, готов поспорить, куриный паштет от Серно.

Баес, конечно, выиграл пари, поскольку меню по вторникам блистало постоянством.

Они медленно вкушали от яств, осторожно пережевывали тонкие, намазанные желтым маслом тартинки, которые месяц Ипполит предварительно макал в соус.

– Теодюль, вы отличный кулинар. Compliment, равным образом, не менялся никогда.

Теодюль Нотт жил одиноко и, будучи гурманом, тратил долгие свои досуги на приготовление всяких интересных кушаний, благо его лавка мало посещалась.

Работой по дому занималась глухая старуха – она появлялась каждый день часа на два и незаметно исчезала.

– Вперед! К трубкам, стаканам, шашкам, – возгласил месяц Ипполит, облизав крем с краешков губ, – десерт состоял из айвовых пирожных.

Черные и желтые минутку постояли в боевом порядке и двинулись на геометрические перепутья.

И так каждый вечер, исключая среду и пятницу, когда месье Ипполит Баес не разделял трапезы с другом, и воскресений, когда он не приходил вообще.

Гипсовые часы прозвонили десять. Теодюль Нотт проводил друга до двери, высоко, словно факел, воздев маленький ночник толстого синего стекла, и отправился на третий этаж в комнату родителей, которая давно уже стала его спальней.

Он быстро проходил площадку второго этажа, никогда не задерживаясь у запертых дверей апартаментов капитана Судана. Эти двери – узкие и высокие – были столь черны, что даже на фоне мрачных и сизых стен казались какими-то гибельными провалами. Месье Нотт не смотрел на них, и, разумеется, не мог и помыслить их открыть, дабы любопытный ночник не вздумал синим своим лучом обшаривать комнаты.

Лишь по воскресеньям Теодюль Нотт входил туда.

* * *

И однако в апартаментах капитана Судана не наблюдалось ничего особенного.

В спальне стояли большая кровать с балдахином, крохотный ночной столик, два комода орехового дерева и большой, овальный, лакированный стол в черных пятнах от сигар и в кружочках от стаканов и бутылок. Но капитан, видимо, ре-

шил компенсировать тривиальную обстановку спальни основательной комфортностью салона.

Вдоль стены располагался огромный, роскошный, низкий шкаф—багот; два вольтеровских кресла тускло мерцали utrechtским бархатом; близ камина стояла массивная дубовая подставка для поленьев. Свободу передвижений затрудняли громоздкие стулья, обитые кордовой кожей, сияющие позолоченными звездочками медных гвоздиков, а также большой стол с чудесной резьбой и два маленьких секретера работы Буля. Угол занимало высокое старинное зеркало бледнозеленого отлива. Книжные полки уходили под потолок.

Для Теодюля Нотта, покидавшего дом только ради коротких визитов к поставщикам, салон капитана Судана являл молчаливый и пышный воскресный праздник.

Он заканчивал обедать со вторым ударом часов, облачался в прекрасную домашнюю куртку с пикейным воротником, совал ноги в расшитые мягкие туфли. Праздничный наряд довершала черная шелковая ермолка на изрядно облысевшем черепе. В таком виде он почтительно входил. В салоне было душно, пахло пылью и старой кожей, но во всем этом Теодюль Нотт различал флюиды заманчивые и таинственные.

Капитан Судан? Теодюль смутно вспоминал высокого, крупного старика в порыжелом плаще, курившего тонкие черные сигары. Иное дело отец с его пышной бородой, мать —

женщина худая и молчаливая, потом красивые и белокурые барышни Беер... казалось, все они ушли только вчера.

И однако более тридцати лет назад смерть распорядилась ими за сравнительно короткое время. Пяти лет оказалось достаточно, чтобы навсегда погасить эти четыре жизни, столь неотрывно связанных с его собственной.

...Собирались обычно за ужином в маленькой столовой на первом этаже, и с тех пор Теодюль приобрел вкус к разного рода кулинарным ухищрениям. По воскресным дням, когда старики и старухи Гама в черных капюшонах и накидках шествовали к вечерне в церковь св. Иакова, все четверо устраивались в салоне.

Месье Теодюль Нотт вспоминал...

Нерешительной рукой папа Нотт брал одну или две книги из библиотеки капитана. Его жена смотрела и покачивала головой.

– Оставь, Жан Батист, прошу тебя... Книги не учат ничему хорошему.

Застенчивый бородач робко протестовал:

– Стефани, разве я замышляю плохое?...

– Ну нет, разумеется. Но для чтения достаточно молитвенника и часослова. И потом, ты подаешь дурной пример ребенку.

Жан Батист Нотт, немного расстроенный, повиновался.

– Мадмуазель Софи нам сейчас споеет что-нибудь.

Софи Беер откладывала многоцветное шитье, которое

она приносила в большой корзинке, отделанной гранатовым плюшем, и подходила к шкафу. Наступал упоительный момент для маленького Теодюля. Этот замысловатый, шириной во всю стену шкаф–багот прятал клавесин, выдвигающийся нажатием боковой планки: стоило нажать ее снова, и клавесин уезжал обратно. Клавиши цвета ломтиков тыквы извлекали сухие, грустные, отрывистые тона.

Мадмуазель Софи приятным, чуть дрожащим голосом пела про облако:

«Откуда ты плывешь, серебряное диво...»

Или еще песню про высокую башню, ласточку и горькие слезы.

И слезы воображаемые провоцировали вполне реальные у мамы Нотт и заставляли папу Нотта беспокойно теревить красивую черную бороду.

Только мадмуазель Мари несколько не волновалась.

Она брала Теодюля на колени, прижимала к затынутой голубым шелком груди и мурлыкала вполголоса:

– Невидимый сад трех тысяч цветов... цветов...

– А где этот сад? – спрашивал Теодюль совсем тихо.

– Не скажу. Надо его найти.

– Мадмуазель Мари, – шептал мальчик, – когда я вырасту, то женюсь на тебе и мы вместе...

– Та, та, та... – дразнилась она и целовала его в губы.

Тонким запахом цветов и плодов веяло от голубого корсажа, и Теодюль думал, что нет ничего в мире прекрасней

этих округлых розовых щек, продолговатых ярких глаз и шелестящего шелкового платья.

И вот жарким июльским утром ему пришлось бросить горсть песка на ее гроб: Теодюль Нотт понял, как глубоко любил эту женщину, подругу детства его матери, старше его на сорок лет.

Как-то раз, много лет спустя после ее смерти, в одно проклятое воскресенье он открыл в потайном ящике секретера письма, свидетельствующие, что старый капитан Судан и мадмуазель Мари...

Месяц Теодюль Нотт не осмелился перевести в слова ужасный образ, убивший единственное любовное переживание его жизни: в течение восьми дней он не мог себя заставить играть в шашки и даже, к великому изумлению Ипполита Баеса, испортил филе с пюре из орехов, рецепт коего завещала матушка.

С тех пор как одинокий Теодюль жил в старинном родительском доме, это было единственным событием в его монотонном существовании, единственным... до воскресенья в марте – темного и дождливого, – когда по непонятной причине с верхней полки библиотеки капитана Судана упала книга.

II

Пожалуй, нельзя сказать, что месть Теодюль никогда не видел этой книги, но сие видение случилось давным–давно – любой другой на его месте и не вспомнил бы.

Почти полвека назад, восьмого октября... Воспоминание о восьмом октября осталось удивительно свежим в его памяти.

Впрочем, разве занимался он чем–нибудь, кроме воспоминаний? Перебирать, уточнять воспоминания – наслаждение, мечта...

Невероятное, сумасшедшее, вызывающее соленый привкус во рту... Это бросилось на него, словно кот на голову... восьмого октября, в четыре часа пополудни, по возвращении из школы.

Четыре часа – время безобидное, пахнущее кофе и теплым хлебом: четыре послеполуденных удара не причиняют вреда никому.

Служанки покидают тротуары, блистающие водой и солнечными зайчиками; старухи, истощив запас колкостей и сплетен, удаляются в кухни, где поют или ворчат веселые или сварливые чайники.

Теодюль повернулся к школе спиной с облегчением ленивого и довольного незнайки: но, тем не менее, юные мозги сверлила отвратительная арифметическая задача.

– Ну какое мне дело, когда один глупый курьер опередит другого глупого курьера? Родители и без того зарабатывают приличные деньги, лавка и без того достанется мне...

– Голуби шорника гуляют по маленькому дворику. Смотри, сколько я набрал камней... хочу подшибить сизаря.

Теодюль не ждал никакого ответа, ибо разговаривал сам с собой. Только сейчас он заметил мальчика, который солидно переступал толстенькими и кривыми ножками. Этот субъект занимал в классе одну из последних скамеек.

Теодюль задумчиво наморщил лоб.

– Вот так штука! Это, оказывается, ты. Когда я вышел из школы, со мной был Жером Майер, а теперь вот ты... Ипполит Баес.

– Майер бухнулся в сточную канаву. Разве ты не видел? – спросил юный Ипполит Баес.

Теодюль чуть–чуть улыбнулся, чтобы понравиться остро слову. Правда, Ипполит считался плохим учеником, наставники его не любили и не поощряли общения с ним, но сейчас Теодюлю не хотелось идти одному.

Солнце высветлило опустелые улицы осенней апельсиновой желтизной. Голуби нагулькались, махнули на далекую крышу, и напрасные камни выкатились из рук Ипполита. Мальчики одолели довольно крутой подъем и поравнялись с темной и нелюдимой булочной.

– Погляди–ка, Баес, на витрине пусто.

В самом деле, на полках, в корзинах и плетенках валя-

лось только несколько засохших корок. Единственный круглый хлеб цвета серой глины возвышался на витрине, словно остров в пустынном океане. Ученик Нотт поежился.

– Знаешь, Ипполит, не нравится мне это.

– Еще бы, ты ведь не смог решить задачу о курьерах.

Теодюль повесил голову. Действительно, черт бы подрал проклятую задачу, у которой, верно, вообще нет никакого решения.

– Если раскромсать этот хлеб, – продолжал Баес, – можно увидеть массу живых существ. Булочник с домочадцами жутко их боятся. Они заткнули ножи за пояс и спрятались в пекарне.

– Барышни Беер сюда приносят жарить сосиски в тесте. Отличная штука, Ипполит. Я постараюсь одну стянуть и при-тащу тебе...

– Не стоит трудов, булочная сгорит сегодня ночью вместе с сосисками и существами, которые живут в хлебе.

Теодюль почему-то покраснел и пробормотал: разве, мол, справедливо, если нельзя пожарить сосиски в тесте... Баес нахмурился.

– Попомни мои слова, не достанутся тебе сосиски.

И снова маленький Нотт не сумел возразить.

Странное дело: всякая мысль, даже всякая попытка поразмыслить казалась ему сейчас до крайности тягостной.

– Ипполит, мне застит глаза, да и слышу я тебя с трудом. Слава Богу, ветер не доносит запах конюшен, я бы просто

взвыл; и если муха сядет на макушку... ее шесть стальных лап просверлят череп.

В ответ раздалось невразумительное бормотание:

– План изменился... чувства бунтуют...

– Ипполит, объясни... я вижу старого Судана. Он бежит по салону и дерется с книгой!

– Так и должно быть, – рассудил Баес. – Все это совершенно естественно. Одно дело – просто видеть, а другое – видеть во времени, как ты сейчас...

Теодюль ничего не понял: дикая боль разламывала голову, присутствие соученика выводило из себя, но одиночество ужасало еще более. Он постарался подавить раздражение.

– Наверное, мы давно ушли из школы. Ипполит осмотрелся.

– Не думаю. Тени как были, так и остались.

Справедливо. Ничуть не удлинилась тень безобразной водокачки, ничуть не вытянулась тень двуколки булочника, которая продолжала взывать к небесам вскинутыми оглоблями.

– Ах! Кто-то идет, наконец! – обрадовался Нотт.

Они медленно пересекали треугольную площадь Песочной Горы: из каждого угла выходила улица, длинная и печальная, как отводная труба.

В глубине Кедровой улицы двигался человеческий силуэт. Теодюль пригляделся внимательней: это была дама с бледным и невыразительным лицом; на темном платье мерцало

немного стекляруса, из тюлевого капора выбивались седые, серые пряди.

– Я ее не знаю, – прошептал он. – Она, правда, напоминает маленькую Полину Бюлю, что живет по соседству с нами на Корабельной улице. Тихая девочка, ни с кем не играет.

Вдруг он схватил Ипполита за руку.

– Смотри!... Нет, только посмотри! Куда девалось черное платье? На ней пеньюар с крупными цветами. И потом... она кричит! Я не слышу, но она кричит. Падает... в лужу крови...

Баес отвернулся.

– Ничего не вижу.

– Да и я не вижу, – вздохнул Теодюль. – Сейчас не вижу.

Баес беззаботно пожал плечами.

– Все это находится где-нибудь во времени. Пойдем, угощу тебя розовым лимонадом.

Теперь тени очевидным образом удлинились и солнечные блики вспыхнули в окнах. Школьники ускорили шаг и прошли часть Кедровой улицы.

– Лучше выпьем оранжада, – предложил Баес. – Мне кажется, хотя напиток и розовый, это все-таки оранжад. Войдем...

Теодюль увидел маленький дом, похожий на белый и совсем новый ночной колпак. Наличники треугольных, круглых, квадратных окон отливали радужной керамикой.

– Какой забавный домик. Надо же, никогда его и не видел.

Постой! Особняк барона Пизакера граничит с домом месье Миню, а этот вклинился между ними. Вот так штука! По-моему, особняк барона похудел на несколько окон.

Баес ничего не ответил и толкнул дверь, затейливо изукрашенную медными и латунными полосами. На матовом стекле кудрявились красивые буквы: таверна «Альфа».

Странная, блистающая металлом комната светилась, как сердце редкого кристалла.

Стены были сплошь из витражей неопределенного рисунка. За стеклами блуждало живое, трепещущее сияние и серебряные отражения замирали на темных пушистых коврах, на низких диванах, драпированных яркой тканью, напоминающей тафту или парчу.

Маленький каменный идол со странно скошенными глазами сидел на берегу... округлого зеркала: его вывороченный пуп, высеченный в полупрозрачном минерале, являл собой кадьлицу – там еще рдел пахучий пепел.

Никого.

В матовых витринах смуглели, сгущались сумерки. Неожиданно загорелось багряное пятно, заколебалось и заметалось, словно испуганное насекомое. Откуда-то сверху доносилось журчание воды...

И вдруг у стенного витража возникла женщина: казалось, она родилась из журчания, сумерек, багряного испуга.

– Ее зовут Ромеона, – сказал Баес.

Женщина исчезла. Теодюль толком и не понял, видел ее

или нет, – голова закружилась, глаза резко заболели.

Баес тронул его руку.

– Выйдем.

– Слава Богу, – воскликнул Теодюль, – хоть одно знакомое лицо. Это Жером Майер!

Его приятель сидел на верхней ступеньке у двери зерновой лавки Криспера.

– Глупец, – усмехнулся Ипполит, когда Теодюль хотел приблизиться. – Он тебя укусит. Неужели ты не отличаешь человека от крысы из сточной канавы?

И вдруг Теодюль задрожал от брезгливого страха: существо, которое он принял за Жерома, самым комическим манером запихивало в рот горсти круглых зерен и – о ужас! – лоснящийся розовый хвост хлестал его лодыжки.

– Я ведь тебе говорил: он юркнул в сточную канаву.

Они миновали гавань и вышли на знакомую улицу. Барышни Беер стояли на пороге отцовской лавки, и седая шевелюра капитана Судана виднелась в окне второго этажа. Локтем он опирался на карниз и держал в руке засаленную красноватую книгу.

– Боже мой! – вскрикнула мадмуазель Мари. – Малыш горит в лихорадке.

– Он заболел, – пояснил Ипполит Баес. – Я с трудом довел его домой. Он бредил всю дорогу.

– Я ничего не понимаю в этой задаче, – простонал Теодюль.

– Проклятая школа, – вздохнула мадмуазель Софи.

Мадам Нотт распахнула дверь.

– Скорей! Его надо уложить в постель. Теодюля привели в комнату родителей, почему–то малознакомую и зыбкую...

Он лежал на кровати и упорно смотрел на противоположную стену.

– Мадмуазель Мари, вы видите эту картину?

– Вижу, бедняжка, это святая Пульхерия – достойная избранница господ.

– Нет, пробормотал мальчик, – ее зовут Бюлю... ее зовут Ромеона. Вообще ее зовут Жером Майер... крыса из сточной канавы...

– Несчастный, – зарыдала мадам Нотт. – Он бредит. Бегите за доктором.

Его оставили одного на секунду, лишь на секунду.

Послышались странные, глухие удары в стену. Полотно картины вздулось и затрещало.

Он хотел закричать, но это было трудно. Крик застрял в горле, вырываясь сдавленным шепотом.

Глухие удары сменились тонкими серебряными звонами. Потом лавина камней обрушилась на карниз, сломала окна, хлынула в комнату.

Занавеси изогнулись, словно пытаясь ускользнуть от огня. Напрасно. Пламя бросилось на них и сожрало в момент.

Теодюль болел долго и тяжело. Его лечили лучшие городские медики. По выздоровлении освободили от школы.

С этого дня началась многолетняя дружба с Ипполитом Баесом. Ипполит приписал лихорадке все бессвязные переживания восьмого октября.

– Ромеона... таверна «Альфа»... превращение Жерома Майера... вздор, Теодюль... вздор...

– А святая Пульхерия, а каменный дождь, а занавеси в огне?

Ответственность взяла на себя мадмуазель Мари: она зазгла спиртовку, чтобы разогреть чайник. Насчет лавины камней все правильно: обвалилась часть высокого фронтона, вероятно, подточенная осенними дождями.

Глупые, дурные совпадения.

Постепенно все забылось. Только Теодюль продолжал вспоминать время от времени, но ведь воспоминания были его главным занятием в жизни.

III

Книга упала на паркет без всякой видимой причины. Правда, в последние дни ломовые телеги перевозили товары из гавани по этой улице, так что все дома дрожали, будто от мимолетных землетрясений.

Месье Теодюль сразу признал книгу в красной обложке – истрепанную и в пятнах от свечного сала. Он созерцал книгу минуты две, наклонялся, трогал дрожащими пальцами синюю шерсть ковра и, наконец, осмелился поднять.

Сначала его недоумение было велико – он игнорировал существование подобных произведений.

Книга содержала весьма распространенный трактат «*Большой Альберт*», сокращенные «*Ключики Соломона*», резюме работ некоего Сэмюэля Поджера на темы каббалы, некромантии и черной магии, а также цитаты из гримуаров старых мастеров великой герметической науки.

Месье Нотт вяло ее проглядел и хотел поставить на место, но внимание привлекли вложенные между страницами рукописные листки.

Красные, порядком выцветшие строки изящной каллиграфии были начертаны на китайской рисовой бумаге. Окончив чтение, месье Теодюль отнюдь не ощутил прилива знаний: тайное и таинственное не особо его привлекало.

В рукописных листках содержались формулы заклятия

и вызывания inferнальных могуществ, равно как способы вхождения в контакт с этими абсолютно чуждыми единствами. Разные старинные методы, изложенные в книге, подвергались суровой критике и даже отбрасывались как неэффективные или профанические.

По мнению неизвестного комментатора, *«...невозможно достичь сферы действия падших ангелов: для этих последних люди представляют столь мало интереса, что они не считают нужным покидать свое пространство, дабы непосредственно вмешиваться в нашу жизнь.»*

Слово «непосредственно» было написано крупными буквами.

«Но необходимо признать наличие интермедиарного, связующего плана – пространства Великого Ноктюрна.»

Эти строки стояли в конце, и месье Теодюль, перевернув листок, заметил, что продолжение, которое, похоже, занимало много страниц, отсутствовало.

Месье Нотт тщетно искал в оставшихся листках каких-либо пояснений касательно весьма интригующего понятия «Великий Ноктюрн» – очевидно, автор уделил этому достаточное внимание на исчезнувших страницах. Заключение не содержало ничего особенного:

«Великий Ноктюрн, надо полагать, не хочет раскрывать людям секрет своего бытия, ибо в таком случае они смогут защищаться от него и тем самым ослабить его власть.»

После недолгого размышления месье Теодюль пришел к

простому выводу: это существо, если даже допустить его наличие, делегировано владыками тьмы для целей неизвестных, опасных и преступных.

Он равнодушно поставил книгу на полку. Его только слегка тревожило воспоминание о пережитой в детстве лихорадке: почему все—таки книга в красной обложке мелькнула в ужасном калейдоскопе того дня?

Переждав немного, он рассказал о случившемся Ипполиту Баесу, который перелистал книгу и фыркнул, что за шесть су берется купить подобный хлам у старьевщика. Манускрипт вообще отказался смотреть и категорически объявил:

– Мы отрываем драгоценное время от игры в шашки.

В этот вечер они съели добрую четверть жареной индюшки. Данное обстоятельство могло послужить для месье Теодюля единственным объяснением последующего ночного кошмара.

* * *

Кошмар начался обыкновенно и даже не во сне.

Месье Теодюль проводил друга и отправился почивать, освещая лестницу синим ночником. Ступив на площадку второго этажа, он заметил открытую дверь салона капитана Судана и услышал едкий запах сигары. Он остановился, потрясенный: в любой другой вечер месье Теодюль скатился

бы по ступенькам и вылетел на улицу... Но сегодня он выпил три стакана отменного виски, купленного в гавани у моряка.

Волшебный напиток всколыхнул его робкую душу и побудил смело войти в темную комнату. Все было в порядке, и он даже засомневался насчет сигары. Ему почудился другой запах – более нежный, более повелительный: аромат плодов и цветов.

Он осмотрел обе комнаты и, прежде чем удалиться в спальню, тщательно запер двери.

В постели у него несколько закружилась голова, но в конце концов беспокойная дремота растворилась во сне.

«Откуда ты плывешь, серебряное диво»...

Он сразу проснулся и приподнялся в кровати. От горького и сухого вкуса виски горело во рту, но никаких следов опьянения не ощущалось.

Клавесин звенел очень нежно и чисто в молчании ночи.

«Мадмуазель Софи», – подумал он. Страх не было, хотя сердце забилося сильно.

Внизу клацнула дверь и ступени закрипели. Кто-то невероятно тяжело и медленно шел по лестнице.

«Это мадмуазель Мари! Да, да, совершенно точно. Она, верно, сгибается под тяжестью земли, что скопилась, слежалась за столько лет. Помнится, земля стучала о крышку гроба... плук... плук...»

Ночник светил едва-едва, но все же достаточно, чтобы различить дверь, которая открывалась... с трудом.

Тень в неторопливо расширяющейся створке, узкий лунный луч из высокого окошка в коридоре.

Кто-то шел по комнате, но Теодюль не видел инициатора шагов, несмотря на рассеянный свет.

Пружины скрипнули – кто-то устало и грузно опустился на кровать. Теодюль сразу понял – кто...

«Мадмуазель Мари. Это может быть только она».

Вес переместился, и Теодюль протянул руку к вмятине, что разошлась изгибами и складками на красном шелке одежды.

Внезапный ужас проступил холодной испариной...

Его руку дернули, схватили, стиснули... невидимый кошмар ринулся на него...

– Мадмуазель Мари! – возопил он.

Нечто отпрянуло, вжимаясь в покрывало широкой убегающей бороздой. По краям постели темными полосами рассеклись два углубления – словно чьи-то гигантские руки вцепились растопыренными пальцами.

Он не услышал, но почувствовал прерывистое дыхание.

Внизу мелодия распалась, клавесин взвизгнул на высокой фальцетной ноте и замер.

– Мадмуазель Мари... – прошептал Теодюль.

Продолжить он не успел: обрушились на плечи и вдавили голову в подушку... руки... возможно...

Он принялся нелепо бороться с неуловимой и напряженной сущностью и каким-то диким усилием сбросил ее с кро-

вати.

Ни малейшего шума падения. Но почему—то в его нервах отозвалась боль — чужая боль, — сумрачный враг неведомым образом пострадал.

Лунный луч скользнул ближе к постели, и Теодюль наконец разглядел... бесформенную угольно—черную массу; это была — он сразу понял — мадмуазель Мари... страдающая мадмуазель Мари.

Он понял еще и другое: ее судорожную, бешеную готовность к борьбе, в которой его, Теодюля, одолеют унижительно и жестоко. Умрет ли он? Нет, это будет куда хуже смерти. И тут звучание странное и чудесное расслышал Теодюль, угадывая блаженную прелюдию скорби... совершенно иного присутствия. Звучание угасло в молчаливой отрешенности и далеко—далеко рассыпалось жалобное арпеджио клавесина.

Угрожающая угольно—черная масса дрогнула, закружилась и, расплываясь по лунному лучу, постепенно исчезла. Плавная, томительная нежность обволокла напряженное сердце Теодюля: сон мягко всколыхнул его спасительной волной и опустил в свое лоно.

Но перед тем как погрузиться в роскошь забытья, он увидел высокую тень, закрывшую мерцание ночника.

Он увидел склоненную к нему гигантскую фигуру... потолок, казалось, выгнулся над ее головой... лоб пересекала диадема блистающих звезд... Ночь посерела от густоты ее тьмы: присущая ей печаль была столь глубокой, столь

нестерпимой, что душа Теодюля оледенела от неведомого горя.

И таинственное откровение резануло напоследок засыпающий мозг: он понял, что находится в присутствии Великого Ноктюрна.

* * *

Месье Теодюль ничего не скрыл от своего друга Ипполита и, рассказав ему все подробности, присовокупил:

– Дурной сон, не так ли? Воистину странный сон.

Месье Баес хранил молчание.

Впервые в своей жизни Теодюлю Нотту довелось наблюдать поступок старого приятеля, который никак не укладывался в размеренность ежедневности.

Маленький плотный старик поднялся на второй этаж, запер дверь салона капитана Судана и положил ключ в карман. После чего заявил:

– Я тебе раз и навсегда запрещаю туда входить.

Месье Теодюль потратил три недели на изготовление нового ключа, дабы на всякий случай... иметь возможность...

IV

Мадмуазель Полина Бюлю деликатно провела надушенной замшей по мрамору камина и спинкам стульев, протерла несколько безделушек из поддельного севрского фарфора, хотя нигде не было ни единой пылинки.

На секунду она возымела некоторое сомнение: а не заменить ли сухие лунники свежими хризантемами? Однако придется наливать воду в тонкие и высокие вазы белого порфира, стоящие по краям камина, – сама мысль об этом ее смутила.

В ласковом свете люстры зеркало отразило малознакомый образ, ибо мадмуазель Бюлю слегка раскудрявила гладко зачесанные волосы и наложила на щеки немного розовой пудры.

Дома она обычно носила длинное грубошерстное коричневое платье несколько монашеского вида, но этим вечером на ней красовался легкий шелковый пеньюар в малиновых цветочках.

В центре стола, покрытого вышитой скатертью, блистал китайский лакированный поднос.

– Кюммель, анисовый ликер, абрикотин, – прощebetала она, любуясь искорками, вспыхивающими на граненых пузатеньких бутылочках.

И после минутного колебания вынула из буфета жестяную

коробку, благоухающую ванилью.

– Вафельки... миндальное печенье... хрустящие палочки, – блаженно замурлыкала она, и затем деловито прибавила:

– Не так уж холодно сегодня. Действительно, от большой люстры расходилось достаточно тепла.

Шаги на молчаливой улице. Полина Бюлю предусмотрительным пальчиком отодвинула красновато–золотистую штору.

– Это не он. Я все спрашиваю себя... Проживая в одиночестве в своем маленьком доме на улице Прачек, она привыкла разговаривать сама с собой, равно как со всеми окружающими вещами.

– Накануне ли я серьезной перемены?

Она повернулась к довольно крупной терракотовой статуэтке, выделяющейся коричневым пятном на светложелтых обоях. Статуэтка изображала простоватую улыбающуюся женщину, которую скульптор назвал «Евлалией». Великий вопрос явно не потревожил безмятежности ее черт.

– Не с кем посоветоваться, решительно не с кем!

Она приложила ухо к шторе, но услышала только шорох первых сухих листьев, гонимых ветром по тротуару.

– Еще рановато, пожалуй. Мадмуазель Полине почудилась ироническая улыбка на простодушной физиономии Евлалии.

– Он обещал придти ближе к ночи. Понимаете, любезная,

соседи – ничего не поделаешь. Один миг – и нет репутации.

Положив дрожащую руку на худую грудь, она прошептала:

– Первый раз я позволяю мужчине нанести мне визит. И так поздно. Добрые люди уже давно в постели. Господи, скажи, грешница ли я? Спустишь ли в бездну самого отвратительного из грехов?

Она долго смотрела на округлый огонь лампы.

– Это секрет. Упаси меня боже проговориться кому–нибудь.

Она не расслышала шагов, но до нее донеслось легкое постукивание крышки почтового ящика. Приоткрыла дверь гостиной, чтобы немного осветить темную прихожую.

– Это вы... – пролепетала она, раскрывая дверь шире. – Прошу вас.

Тонкой, трепетной рукой указала на кресло, бутылочки и сласти.

– Кюммель, анисовый ликер, абрикотин, вафельки, миндальные печенья, хрустящие палочки...

Только один удар – глухой, резкий.

Деловитая рука поставила в буфет ликеры и коробку с печеньями, потом прикрутила колесико лампы. На черной улице проснулся ветер и набросился на скрипучие ставни старых домов.

– Хе, хе!... Без крика, без шума, без красных пятен на пеньюаре... хе, хе... а мне помнится, нет, чушь, архичушь... без криков, без пятен... хе... хе...

Ветер унес к реке бессвязный шепот.

Это был вечер среды, когда месье Теодюль Нотт не принимал Ипполита Баеса. Он сидел в салоне капитана Судана возле шкафа с клавесином и медленно перелистывал книгу в красной обложке.

– Допустим, – бурчал он, – и что же?... Он словно ждал чего-то, но ничего не случилось.

– Стоит ли трудов? – вздохнул Теодюль.

Его губы горько искривились. Он вернулся в столовую, устроился под лампой с трубкой и с «Приключениями Телемаха».

* * *

– Два убийства менее чем за две недели, – простонал полицейский комиссар Сандер, ходя из угла в угол в своем кабинете на улице Урсулинок.

Его секретарь, толстый Порталь, перечитывал длинный рапорт.

– Приходящая служанка мадмуазель Бюлю показала, что в доме все цело, вплоть до подушечки для булавок. Хозяйка иногда навещала соседей и не принимала никого. Никаких следов вторжения, вообще никаких следов. Да и было ли преступление, если подумать?

Комиссар красноречиво посмотрел на него.

– Понятное дело, она сама себе проломила череп. Щелк-

нула по лбу, и готово.

Порталь пожал круглыми, жирными плечами.

– Что касается несчастного месье Майера, тут тоже ясности нет. Труп выловили из сточной канавы близ Мулен де Фулон. Крысы–таки попортили ему фотографию.

– Вы бы хоть выражались поделикатней, – поморщился комиссар. – Бедный Жером! Откуда у него враги? Горло перерезано, да как! Это не преступник, а зверь какой–то. Черт!

– Арестовали кого–нибудь? – поинтересовался секретарь.

– Кого! – чуть не заорал комиссар. – Прочитайте акты гражданского состояния и выберите любого новорожденного младенца!

Он прижал разгоряченное лицо к стеклу и заметил проходившего по улице месье Нотта.

– Остается надеть наручники на головореза Теодюля, – фыркнул он.

Порталь расхохотался.

Месье Нотт, пересекая площадь Песочной Горы, дружелюбно подмигнул водокачке и свернул на улицу Корольков. Перед особняком Миню его сердце дрогнуло.

На секунду блеснули красные медные полосы на двери, потом надпись красивыми буквами: таверна «Альфа». Но, приблизившись, он обнаружил обычные серые фасады.

Проходя по старинной улице Гребешков, он заглянул в раскрытую дверцу какого–то садика: высокая худая женщина кормила истощенных кур. Теодюль задержался на мгно-

вание, и когда она подняла глаза, снял шляпу. Но вид у нее был безразличный и в ответ она не поздоровалась.

– Где же, – размышлял Теодюль, – где я мог ее видеть? Я ее знаю, это факт.

Обогнув парапет моста Прокисшего Молока, он хлопнул себя по лбу.

– Пульхерия! – воскликнул он. – Ах! Как она похожа на святую с картины!

В этот день лавка была закрыта и, однако, Теодюль заторопился к родным пенатам.

– Сегодня вечером мы съедим курицу под винным соусом, и месье Ипполит унесет с собой парочку сосисок в тесте, что я специально зажарил у булочника Ламбрехта.

* * *

Пульхерия Мейр брезгливо отодвинула тарелку с простывшей и неаппетитной луковой похлебкой.

– Одиннадцать часов, – проворчала она. – Посмотрим, удастся ли заработать хотя бы несколько су.

С одиннадцати и до часу ночи она торчала у дверей поздних кафе, стараясь всучить пьяницам всякую дрянь вроде затхлых галет, крутых яиц и жареных бобов.

Когда-то ее считали очень смазливой девицей и весьма дорожили ее благосклонностью, но счастливые годы давно миновали. И сейчас, пройдя темную улицу Шпилек, она

немало удивилась, заметив рядом фигуру мужчины.

– Могу ли я вам предложить... – заколебался голос в тени.

Пульхерия остановилась и кивнула на розовые окна ближайшего кабачка.

– Нет, нет, – запротестовал незнакомец, – у вас, если позволите.

Пульхерия засмеялась про себя, оценив мудрость поговорки, гласящей, что ночью все кошки серы.

Но эдак я могу потерять вечерний заработок, – прикинула вслух Пульхерия. – Иногда я «делаю» более ста су.

И тут она услышала звон серебряных монет в своем кармане.

– Ладно. Оставим работу на сегодня. У меня найдется пиво и можжевелька.

Пока они шли через пустынную площадь, Пульхерия попыталась завязать разговор:

– Жизнь тяжела для одинокой женщины. Я была замужем, но муж удрал с потаскухой, которая устраивала ярмарки в провинции.

Я ведь вправе пригласить кого–нибудь в гости, не так ли?

– Само собой, – послышался ответ.

– Но, знаете, я не смогу оставить вас до утра. Соседи так и пойдут чесать языками.

– Разумеется.

Она открыла дверцу маленького садика и подала ему руку.

– Позвольте... Осторожней, здесь две ступеньки.

Она ввела ночного визитера в бедную, но очень опрятную кухню: красный плиточный пол блестел и кровать в алькове радовала белоснежным бельем. Пульхерия горделиво осмотрелась.

– Какая чистота, не так ли? Потом кокетливо повернулась к нему.

– Стало быть, пристаем к дамам на улице, шалунишка? Незнакомец что-то пробурчал, глядя на дверь.

– Пива или можжевеловки?

– Пива.

– Ладно. А мне, пожалуй, надо выпить капельку покрепче.

Пульхерия направилась к шкафчику и достала голубой керамический кувшин: в углу из покрытого влажной тряпкой бочонка сочилось пиво и капли монотонно булькали в фаянсовую миску.

– Это пиво от Дейкера, – объявила она. – Вам должно понравиться.

– Ладно, – нехотя согласился незнакомец. – Налейте немного.

Выпили.

Женщина зажгла стеклянную лампу с плоским фитилем, едва осветившую стол и стаканы. Мужчина решился на комплимент:

– А вы неплохо устроились здесь. Пульхерия Мейр ценила мужское внимание, которого была давно лишена.

– Видите ли, в моем маленьком доме чувствуется хо-

зыйская рука. Старик Миню зачем-то отделил часть своего особняка и сдал внаем.

– Миню... – раздумчиво повторил ночной гость.

– Ну да, старый барон с улицы Корольков. Если пробить дыру в стене, можно попасть в его кухню.

Она захохотала.

– Пари держу, здесь побольше еды и питья, чем там. Еще пива? Я так выпью еще капельку.

Она наклонила бочонок и опустила стакан, чтобы пиво запенилось: перед этим забросила на спину концы синего шерстяного шарфа.

И вдруг шарф сжался, сдавил горло...

Пульхерия Мейр захрипела: сил у нее было маловато – она дернулась раз, другой и повалилась на пол.

Лампа опрокинулась – зеленоватый огонь побежал по масляной струе.

Входная дверь пронзительно скрипнула. Какая-то курица заклохтала, потревоженная во сне. Где-то в углу два кота сцепились в темноте, надрывая душу леденящими воплями. Башенные часы пробили полночь, когда полицейский Дирик засвистел, увидев высокое пламя над одной из кровель старинной улицы Гребешков.

* * *

– Несчастья уже просто наступают нам на пятки. Госпо-

ди! – простонал комиссар Сандер. – Пожар и труп! Спрашиваю себя...

– Нет ли двойного преступления? – закончил Порталь. – Весьма вероятно. Каждое событие повторяется трижды, если верить морякам, хотя, с позволения сказать, «останки» Пульхерии Мейр нельзя назвать весомой уликой.

– И я так полагаю, – уныло одобрил комиссар. – Но повторяю, Порталь, воздух насыщен злом, как во время эпидемии.

Полицейский Дирик, дежуривший сегодня, просунул лисью мордочку в полуоткрытую дверь.

– Доктор Сантерикс хочет видеть комиссара. Комиссар вздохнул.

– Если есть что-либо подозрительное в деле Пульхерии Мейр, это обязательно разнюхает проклятый Сантерикс.

Так и случилось.

– Кладу рапорт на стол королевскому прокурору, – объявил доктор. – Женщина по имени Пульхерия Мейр была задушена.

– Как так! – запротестовал Порталь. – Осталось-то всего липкого пепла на хорошую лопату.

– Шейные позвонки сломаны, – невозмутимо продолжал доктор. – На виселице не получилось бы удачней.

– Вот он, третий повтор события, – горестно констатировал Сандер. – Теперь моя отставка неминуема.

Четкими убористыми строками он принялся покрывать линованные листки, передавая их по мере надобности сек-

ретарю. Принесли лампы, осветились окна кафе Мируар, а служители закона продолжали строчить страницу за страницей.

– Конец спокойной жизни, – проворчал Сандер, растирая сведенные судорогой пальцы.

– Если мы поймаем сукина сына, который нам преподнес такую дулю, – добавил Порталь, – я, пожалуй, избавлю палача от трудов.

V

Месье Нотт несколько минут прислушивался: шаги Ипполита Баеса затихли и доносилось только постукивание железного наконечника трости о край тротуара. Потом все смолкло.

Тогда он зажег все свечи в салоне капитана Судана и устроился в кресле.

Книга в красном переплете пребывала на столе, и месье Нотт торжественно вознес над ней ладонь.

– Или я плохо уразумел вашу науку, или я выполнил все условия и вы мне должны... то, что вы мне должны, – провозгласил он мрачно и выразительно.

И посмотрел вокруг, ожидая событий.

Но дверь не открылась и свечи горели ровно: никакой сквозняк, никакое дуновение не исказили изящных закруглений пламени.

– Для человека, который ничего не понял в школьной задаче о курьерах, мне–таки стоило труда уяснить ваше сообщение, о странная книга, и еще больше труда... действовать согласно вашей ужасающей воле.

Капли пота проступили на его висках.

– Покориться судьбе – высшая мудрость, считает Ипполит. Но эти слова лишены смысла. Всю мою судьбу вобрал загадочный день восьмого октября. С тех пор жизнь прекра-

тилась. В известном плане ее ход остановился – так тормоз препятствует повозке двигаться дальше.

Но кто поднимет этот тормоз?

И, посмотрев с упреком на книгу, он жалобно возопил:

– О, мудрая книга, вы обманули меня! И вскочил с кресла.

Ничего не случилось, ничего не заволновалось в комнате, но, тем не менее, месье Нотт побежал к двери, словно бы взвихренный неведомой силой.

– Я ничего не прошу, – убеждал он себя, спускаясь вприпрыжку по лестнице, но некто знает мое сугубое желание, единственную цель моей жизни! Достигну ли я наконец?

Он быстро шел по пустынному Гаму к верхним кварталам на другом берегу реки. Его одинокие шаги глухо отдавались на мосту Прокисшего Молока: пересекая эспланаду Сен–Жак, он не заметил ни одного освещенного кафе.

– Должно быть, совсем поздно, – подумал Теодюль.

И не удивился ничуть лучезарной феерии, внезапно вспыхнувшей в темной глубине улицы Корольков.

Он перевел дыхание и задрожал от лихорадочного предвестия.

– Свершилось... она там... таверна «Альфа»!

Он толкнул дверь и вновь увидел низкие диваны, каменного идола, трепетные багряные блики за витражами. И тогда позвал:

– Ромеона!

Она была рядом. Откуда? Теодюль только и нашелся про-

бормотать:

– Вы. Теперь я знаю, что желал вас всю жизнь.

Она пристально смотрела на него и шептала:

– Ах! Как сладостно жить именно сейчас.

– Жить?

Жестокий холод пронзил Теодюля от ее прикосновения.

– Я уже столько лет мертва, мой дорогой. Теодюль едва не закричал от страха, и в то же время горькая, терпкая радость засверкала в его глазах.

– Ромеона... да, я вас прекрасно узнаю, но все-таки... это вы или не вы?

Гибкая сильная рука обвила его шею и Теодюль прижался к ледяному телу Ромеоны.

– Мадмуазель Мари!

– Если хотите, да. Когда-нибудь вы узнаете, возможно, что для существа загадочного и зловещего проблема решается просто: либо время разделяет нас, либо нет... Идемте.

В смутных витражах неистово заметались багряные пятна. Теодюль протянул руку, но Ромеона перехватила его запястье.

– Не надо! Представьте, что ее там нет.

– Кого? Кого там нет? Ромеона испуганно оглянулась.

– Узнаете в свое время, дорогой друг. Когда мне надо будет вернуться, и вам тоже.

Она приникла к его губам, дабы избежать дальнейших расспросов, потом лихорадочно проговорила:

– Сколько лет прошло с той поры как я целовала вас. Вы понимаете, нет, вы чувствуете, кто я?

– О да! Ромеона, нет, мадмуазель Мари, я так любил вас. И теперь... я знаю судьбу. Моя судьба – любить вас. Ради этого я повиновался книге, воззвал к помощи... *Великого Нокторна*.

Ужас, напряжение, удивление означились на ее лице.

– И ради этого вы меня вырвали из могилы? Завороженный своим откровением, Теодюль не расслышал ее фразы.

– Прошлое... вообразите человека, который живет только прошлым, который только... вспоминает. Понимаю: сейчас меня вернули в него!

* * *

Тремя днями позже комиссар Сандер трудился над новым рапортом, который его секретарь перечитывал, правил и копировал в трех экземплярах. Рапорт имел следующий подзаголовок: «Исчезновение горожанина, именуемого ниже Теодюль Нотт».

Бедный Сандер, вероятно, просто бы спятил с ума, если бы увидел, что в эту минуту упомянутый горожанин мирно курит трубку близ водокачки на площади Песочной Горы. Через два часа он прошел рядом с комиссаром мимо освещенных окон кафе «Мируар» и свернул вместе с ним на улицу Корольков, направляясь в таверну «Альфа».

Но таверна сия не существовала ни для Сандера, ни для остальных – она располагалась вне времени простодушного комиссара и его сограждан, равно как и сама жизнь месье Нотта.

Ибо Сандер и остальные не были посвящены в тайны старой книги и Великий Ноктюрн не заботился о них.

И однако жизнь Теодюля Нотта ни в чем не напоминала сон: экзотический интерьер таверны, жгучая любовь Ромеоны, или мадмуазель Мари, придавали его бытию сладостную реальность.

– Не хотите ли повидать «других»? – спросила однажды возлюбленная.

Теодюль долго раздумывал, прежде чем уяснил смысл этих слов. Было воскресенье, стояла прохладная, но приятная послеполуденная погода. Они покинули таверну и спустились по улице Корольков к площади Сен-Жак. Там царило веселье: на импровизированной сцене музыканты сельского оркестра били в литавры и большие барабаны.

Они прошли, невидимые, сквозь оживленную толпу, поскольку двигались вне времени толпы. Когда мост остался позади и внизу раскрылся озаренный солнцем Гам, месье Нотт забеспокоился.

– Мы идем... ко мне?

– Конечно.

Мадмуазель Мари нежно сжала его руку.

– И...? – Теодюль смутился вконец.

Она пожала плечами и увлекла его дальше.

Войдя в лавку, он услышал томное пенье:

«Откуда ты плывешь, серебряное диво»...

И нисколько не удивился, увидев в салоне капитана Судана мадмуазель Софи за клавесином, матушку, вышивающую нелепый узор на желтых домашних туфлях; как ни в чем не бывало, он уселся рядом с отцом, курившим длинную голландскую трубку.

Ничто в домашней, воскресной атмосфере не напоминало о том, что эти существа провели тридцать лет в могиле. Никто не приветствовал Теодюля, никто не поразился его более чем пятидесятилетнему возрасту и появлению с мадмуазель Мари.

Его подруга была одета в скромное шерстяное платье, отделанное стеклярусом. Куда девалась роскошная туника, сверкающая серебряными нитями, в которой Ромеона покинула таверну «Альфа»? Так и надо, все это в порядке вещей, решил Теодюль.

Они поужинали с аппетитом, и Теодюль вновь ощутил вкус винного соуса и лука–шарлота, рецепт коего матушка всегда хранила в секрете.

– Не стоит, Жан Батист, ничего хорошего в книгах не узнаешь.

Так мама Нотт ласково упрекала своего мужа, украдкой поглядывающего на книжные полки.

Они расстались поздним вечером: Теодюль и мадмуазель

Мари вернулись в таверну «Альфа». Его поразила неожиданная мысль:

– Странное дело! А почему мы не встретили капитана Судана?

Его спутница вздрогнула.

– Не говорите о нем, ради нашей любви, не говорите о нем никогда!

Теодюль посмотрел на нее с любопытством.

– Так, так. И все же хотелось бы узнать... И тут в его голове все перепуталось.

– Мне кажется, я уже слышал все, о чем говорили папа и мама. И я определенно когда-то слышал концерт на площади Сен-Жак и когда-то ел за ужином...

Возлюбленная перебила несколько нетерпеливо:

– Разумеется... Ты блуждаешь среди картин прошлого.

– Но получается... папа и мама Нотт, мадмуазель Софи... мертвы?

– Да. Или почти...

– А ты?

– Я?

Это «я» она выкрикнула с дрожью, с ненавистью.

– Я? Ты вырвал меня из могилы, чтобы сделать своей рабой, своей...

Черная молния прочеркнулась в ее глазах, нечто злое, беспощадно враждебное, может быть, просто игра теней – в этот момент огоньки свечей изогнулись от вечернего

ветерка, пахнувшего из полуоткрытого окна... Теодюль задумался на минуту.

– Я всегда желал, чтобы подобное произошло, правда, никогда не умел выразить свое желание.

И ни разу последующие дни не омрачались воспоминаниями о тягостной интермедии в родительском доме. Они жили согласно и спокойно в одинокой таверне: месяц Теодюль более не имел намерения вернуться в Гам и бродить среди образов прошлого.

Однажды ночью он проснулся и протянул руку к подушке, где должна была покоиться голова любимой женщины.

Пусто и холодно.

Он приподнялся, позвал и, не получив никакого ответа, покинул комнату.

Дом показался странно незнакомым; Теодюль словно бы погрузился в блеклый, зыбкий, ирреальный сон: взбирался по одним лестницам, спускался по другим, проходил по комнатам, озаренным бледным и зловещим мерцанием, наконец возвратился к пустой кровати.

Его сердце сжалось, чувство новое и острое пробудилось в глубине его существа.

«Она убежала искать... его... точно... доказательство письма, что я обнаружил в маленьком секретере...»

Он бросился на улицу, как пловец в море, пролетел площадь Сен-Жак, пронесся по мосту и вынырнул в густом сумраке Гама.

Лунный луч змеился по железной вывеске галантереи. Теодюль принялся рассматривать фасад: ему почудилось, что иной, внутренний свет просачивается в щели неплотно закрытых штор.

– Ясно, – прохрипел месье Нотт. – *Он* в своей комнате, *он* зажег свечи, *он* читает свою распроклятую книгу, *она* сидит подле *него*!

И открыл своим ключом тщательно закрытую дверь лавки.

Запах сигары встретил его на первых же ступенях.

Он без труда ориентировался в темноте – лунное сиянье пробивалось сквозь слуховое окно. На втором этаже яркая полоска подчеркивала дверь салона.

Теодюль ворвался в комнату.

Шесть свечей горели в медных канделябрах и в камине рдело несколько подернутых пеплом углей.

– Ага, – прогудел кто-то, – вот вы и явились.

Старый капитан Судан, сидевший в вольтеровском кресле, поднял седую голову и отложил книгу.

– Где она?! – завопил Теодюль.

Старик пристально смотрел на него и молчал.

– Говорите! Вы не смеее больше отнимать ее у меня... я выполнил все приказания вашей проклятой книги, я хочу... ее, слышите?

В мутных глазах капитана заблестела насмешка.

– Пропала, вот как? Да... да... иногда и лунного луча до-

вольно... Итак, пропала?...

Он потянулся за книгой в красной обложке. Теодюль угрожающе шагнул вперед.

– Оставьте вашу мерзкую книгу и отвечайте! Я хочу знать, где она.

– Где? В самом деле, где? Вот вопрос: где? Огромная тень колыхнулась на стене и месье

Нотт увидел, как три свечи погасли одна за одной; лунный свет проник через щель в шторах и скользнул на кресло капитана.

Теодюль, сжав кулаки, подошел ближе.

– Я вас ненавижу. Вы ее отняли в моей юности и отняли сейчас.

Он поднял руки на уровень плеч старика. Капитан сидел молча, недвижно, не обращая внимания на ревнивца.

Пламя трех других свечей исчезло, словно бы внезапно задутое, но лунные лучи отчетливо обрисовали контур капитана на фоне тьмы.

– Я вас убью, Судан, – завопил Теодюль.

Он схватил что-то холодное и дряблкое, расслышал хриплый смешок, и его пальцы сомкнулись в пустоте. Торжествуяще воскликнул:

– Мертв! Теперь она моя, только моя!

Вдруг ставни затрещали, раскрылись во всю ширь и золотисто-голубая волна лунного света хлынула в салон.

Теодюль закричал от ужаса: черная рыхлая масса висела

в воздухе, приближаясь к нему с беспощадностью, которую он скорее угадал, нежели увидел.

В зеленовато–голубом мерцании вскинулись руки – фантомальные и гигантские, и постепенно проступило угрюмое неумолимое лицо.

– Мадмуазель Мари, – прошептал он, вспомнив кошмар далекой ночи.

В ноздри ударил тлетворный запах могилы: тварь, ползущая в зеленовато–голубом мерцании, накинута на него, сдавила горло...

Но кошмар кончился, точно как в ту самую ночь: чудовищный туман цвета печной сажи вытянулся и уплыл по лунному лучу.

И на одну секунду Теодюль заметил в звездном небе величавый силуэт, который, уменьшаясь, сжимаясь, ринулся к окну с невероятной быстротой.

Свечи зажглись, ставни, закрываясь застучали, Теодюль оцепенел перед креслом...

Возле угасающего камина стоял Ипполит Баес и смотрел на него с печальной улыбкой.

* * *

– Ипполит! – Он не видел старого друга с тех пор, как, повинувшись зову судьбы, последовал предписаниям книги.

Месье Баес был в своем всегдашнем рединготе и держал

трость с железным наконечником. Вдруг он поднял ее и указал на кресло.

– Ты не видишь его?

– Кого? Капитана Судана?

– Грязный, никудышный наглец, – фыркнул Ипполит Басес. – Там, *внизу* он именовал себя демоном книг, причем единственным, оставшимся на земле.

– Демон... демон, – бормотал ошарашенный Теодюль.

Компаньон вечерних застолий смотрел на него с жалостью и сочувствием.

– Мой бедный друг, срок наступил и я не смогу сделать для тебя ничего особенного. Задушив демона Теграта, или капитана Судана, ты уничтожил жалкий остаток земной жизни, оставленный ему адом. Но тем самым ты вернулся на другой план времени, который тебя отринул и не приемлет более.

Теодюль сжал пальцами виски.

– Что со мной произошло? Что я, в сущности, сделал?

Ипполит положил ему руку на плечо.

– Я должен сообщить тебе нечто весьма огорчительное, несчастный Теодюль. Капитан Судан... нет, Теграт – твой отец... И ты...

Теодюль не сдержал крика изумления и отчаяния.

– Матушка... Значит я... сын...

Ипполит прикрыл ему рот ладонью.

– Пошли. Уже пора.

Теодюль вновь увидел Гам, потом мост, потом площадь Сен-Жак и на сей раз обратил внимание на странное оживление в городе. Повсюду блуждали тени и слышались обрывки разговоров.

По-прежнему горел свет в таверне «Альфа», куда открыл дверь Ипполит, опасливо оглянувшись.

– Внимание! Сегодня доступ сюда открыт всем.

Он долго вслушивался в отдаленный уличный шум.

– Теодюль, как ты знаешь, Бог создал человека, Бог – его искупитель и спаситель. И однажды дух ночи, подобно обезьяне, в глумлении своем повторил ритуал любви и света. И родился...

Здесь он посмотрел на Теодюля с презрительным сочувствием, –... самый несчастный из людей, самый достойный... жалости.

– Ты прав, Ипполит. Я самый несчастный, самый ничтожный. О да!

Теодюль оглядел знакомый интерьер таверны и тяжело вздохнул.

– Каждый меня предал и ни один меня не любил.

– Да... а, – раскатился долгий и злобный крик.

Глаза Теодюля вспыхнули.

– Ромеона... мадмуазель Мари! Но Ипполит Баес покачал головой.

– Некто преисполнился сострадания к тебе, мой бедный друг. Увы, он не мог изменить твоей судьбы. Он шел рядом

с тобой, защищал тебя от порождений кошмара. Он пытался остановить время, изолировать тебя в твоём прошлом, поскольку будущее сулило только цепь непрерывных ужасов.

– Ипполит! В тот день, когда случилась болезнь, я так ничего и не понял...

Баес повернулся к двери.

– Люди ходят по улице, – прошептал он. И затем продолжил:

– Он последует за тобой и дальше, хотя, возможно, это измена...

Теодюль почувствовал, что его друг говорит для себя самого, не адресуясь к нему. И тут его озарило.

– Великий Ноктюрн!

Баес улыбнулся и взял его за руку.

– Хе, хе, – пискнул голосок за их спиной. Ипполит обернулся и крикнул каменному идолу:

– Молчи, ты, урод!

– Молчу, – пропищало в ответ.

С улицы донесся говор и шум шагов. Теодюль Нотт пристально смотрел на витражи, где снова замечались багряные блики. Он поднял руку.

– Ипполит, я вижу... Полина Бюлю лежит на спине с проломленным черепом... Крысы грызут лицо Жерома Майера... Пульхерия Мейр горит в своём доме. Я свершил три убийства, согласно закону книги.

Вдруг дверь затрещала, стекла разлетелись вдребезги, ла-

вина камней хлынула в таверну.

– Каменный дождь! – закричал Теодюль. – Круг замкнулся. Значит, в этот невероятный день восьмого октября... *я прожил... всю... свою... жизнь!*

Рьяная, орущая толпа заполнила черную улицу. В про свете фонарей и факелов мелькали искаженные ненавистью физиономии.

– Смерть убийце!

За одним из разбитых витражей появилось бледное лицо комиссара Сандера.

– Теодюль Нотт! Стойте!

Ипполит Баес вытянул руку и воцарилось загадочное молчание. Теодюль изумленно взирал на него.

Старик схватил каменного идола и швырнул в уцелевший витраж, который лопнул, как воздушный шар.

И Теодюль различил перед собой темную, тенистую дорожку, словно бы просеченную в неподвижной густой мгле. Она сходила под уклон, потом вздымалась и пропадала в багряной, немислимой перспективе.

– Нам пора идти, – спокойно сказал Ипполит Баес.

– Кто... кто вы? – прошептал Теодюль.

С бешеными воплями толпа ворвалась в таверну «Альфа», но Теодюль уже ничего не видел и не слышал: его ноги ступали по бархатной траве, нежной, как пена.

– Кто вы? – переспросил он.

Ипполит Баес исчез; возле Теодюля вздымалась исполин-

ская Форма, очертаниями напоминающая человека: голова исчезла в облачном ореоле.

– Великий Ноктюрн!

– Приди, – далеким эхом долетел дружеский голос.

Теодюль Нотт различил знакомые интонации того, кто играл с ним в шашки и делил вечерние трапезы.

– Приди... Даже здесь... *внизу*... попадаются блудные сыновья.

Сердце Теодюля Нотта успокоилось: буйная разноголосица мира, который он оставил навсегда, развеялась, словно последний вздох вечернего ветерка в высоких тополях.